
ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ И ВЛИЯНИЯ, СРАВНИТЕЛЬНОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК: 821.161.1

КРАСАВЧЕНКО Т.Н.¹ О ВОСПРИЯТИИ И.С. ТУРГЕНЕВА В БРИТАНИИ. (Обзор). DOI: 10.31249/lit/2021.01.04

Аннотация. В центре статьи – литературная репутация И.С. Тургенева в Великобритании. Он обрел международную известность в 1860–1870-е годы, первым представил великий русский роман в Великобритании и был воспринят там как «сильный энергичный писатель», но позднее, когда на литературном горизонте появились Толстой и Достоевский, в которых увидели «мудрецов» и «пророков», он был низведен до статуса «эстета», «чистого художника». Кроме «Зала Славы» (Hall of Fame) для писателей «первого ряда», у викторианцев существовала «часовня» для меньших божеств – «чистых художников», где довольно парадоксально и отвели место «крупному, сильному охотнику» Тургеневу.

Ключевые слова: русская и английская литература; межкультурная коммуникация; имагология; английская и русская литература.

KRASAVCHENKO T.N. On the perception of I.S. Turgenev in Britain. (Review).

Abstract. The subject of the article is I.S. Turgenev's reputation in Great Britain. He gained international fame in 1860s–1870s, was the

¹ Красавченко Татьяна Николаевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела литературоведения Института научной информации по общественным наукам РАН.

first to present the great Russian novel in Britain, where for some time he was perceived as a «strong energetic writer», but later, as Tolstoy and Dostoevsky appeared on the literary scene as «sages» and «prophets», he was relegated to the status of esthete, «pure artist». Victorians had the «Hall of fame» for the «first row» writers and a chapel for lesser deities – «pure artists», where paradoxically they gave a place to a «large, strong hunter» Turgenev.

Keywords: Russian and English literature; intercultural communication; imagology.

Для цитирования: Красавченко Т.Н. О восприятии И.С. Тургенева в Британии. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7 : Литературоведение. – 2021. – № 1. – С. 46–58. – DOI: 10.31249/lit/2021.01.04

Как известно, И.С. Тургенев обрел международную известность в 1860–1870-е годы и, по справедливому наблюдению английского поэта и критика Дональда Дейви, был первым русским романистом, который произвел впечатление на читателей в Британии и Америке [15, р. 1].

В 1855 г. некий Джеймс Майклджон неточно, непрофессионально перевел на английский с французского «Записки охотника», что вызвало недовольство автора, и в 1856 г. вышел усовершенствованный авторизованный перевод. С конца 1850-х годов переводы сочинений Тургенева регулярно печатали в английской периодике, в том числе в журнале Диккенса – «Домашнее чтение».

Тургенев неоднократно (с 1847 г.) бывал в Англии, а однажды – и в Шотландии. В 1858 г. по протекции поэта Ричарда Монктона Милнза его пригласили на банкет британского Литературного фонда, о котором он написал статью в первом российском многотиражном журнале «Библиотека для чтения», чем содействовал основанию такого же фонда в России [25]. В 1850-х годах Тургенев приезжал в Британию – встречался с А.И. Герценом, отдыхал на знаменитом курортном острове Уайт, он посещал Англию и даже жил там в 1871 г. в период Франко-прусской войны. Был знаком с Карлейлем, Дизраэли, Маколеем, Теккереем и др.

С 1850-х годов, т.е. со времен Крымской войны (1853–1856), до почти 1880 г. интерес к Тургеневу был в Британии не только литературным, его ценили как источник информации о русском

крестьянстве (считалось, что он способствовал его «раскрепощению»), а позднее – о русских нигилистах и террористах.

В 1874 г. английский руист, друг Тургенева Уильям Ролстон (Ralston W.), известный как переводчик на английский романа «Дворянское гнездо» («Liza», 1869), басен И.А. Крылова («Krilof and his fables», 1868) и русского фольклора, выступал с лекциями в Оксфорде и предложил известному эллинисту Бенджамену Джозтту и другим руководителям Баллиол-колледжа присвоить Тургеневу звание почетного доктора Оксфордского университета. 18 июня 1879 г. в Оксфорде состоялась торжественная церемония – Тургенев стал доктором гражданского права (Doctor of Civil Law) и произвел на всех впечатление своим «одухотворенным, поэтическим обликом» [26].

К тому времени в Англии, кроме «Записок охотника», были переведены «Дворянское гнездо», «Новь»; в 1871 г. вышел роман «Накануне» в переводе Чарльза Тёрнера, историка литературы, переводчика, долгое время преподававшего английский в Петербургском университете. Он стал автором первого значительного эссе о Тургеневе в 1869 г. в журнале *British Quarterly*, а в 1890 г. в книге «Современные русские романисты» (она комментировалась в британской прессе) написал о наиболее значительных, с его точки зрения, русских писателях – Карамзине, Гоголе, Достоевском, Толстом – и о Тургеневе как о писателе пушкинской традиции и европейского масштаба, который воссоздал картину жизни «современной России» и представил национальный характер русских – с их любовью к Богу, терпением, жизнестойкостью [18, р. 36–71].

Но по-настоящему Тургенев стал доступен британцам, когда все его романы, повести, пьесы и некоторые стихи в 1894–1899 гг. перевела на английский Констанс Гарнет. Ее муж Эдвард Гарнет, редактор-рецензент (с 1901 г.) в издательстве «Дакворт», в начале 1900-х годов был лидером литературного кружка, собиравшегося по вторникам в центре Лондона в Вестминстер-сити – в ресторане «Монблан» (в нем бывали Хилэр Беллок, Форд Мэдокс Форд, Джон Голсуорси, Джозеф Конрад, Г.К. Честертон и др. [см. подробнее 21; 22]). В 1917 г., собрав свои предисловия к переводам Констанс, Э. Гарнет издал книгу «Тургенев» (1917), где доказывал уникальность Тургенева и хотел привлечь внимание английских литераторов к русской литературе. В частности, он обратил вни-

мание на повесть Тургенева «Степной король Лир», изящество ее композиции и особую магию воздействия на читателя, выявляющую искусственность большинства «претенциозно умных» художественных произведений [2, р. 177–181]. Т.С. Элиот назвал книгу Э. Гарнета первой серьезной книгой о Тургеневе, чье творчество представлено в ней как нечто цельное, особый мир, а его искусство – как «стройное здание» [27]. Книга, по мнению Т.С. Элиота, произвела впечатление на Арнольда Беннета, Джозефа Конрада, Форда Мэдокса Форда – они считали Тургенева лучшим из русских романистов.

Тургенев импонировал британцам, так как соответствовал близким им представлениям о «реализме», но не ограничивался быто- и нравописательством, как многие викторианцы, и в то же время избегал запретных для многих викторианских читателей сюжетов, которые они не одобряли у Флобера и, позднее, Золя.

В конце XIX – начале XX в. в Англии было модно не считать русскую литературу плодом «западной цивилизации». Тут сказало влияние французского писателя и историка литературы, автора знаменитой книги «Русский роман» (1886) – Эжена-Мельхиора де Вогюэ, который видел черты «русского крестьянина» в Тургеневе и Достоевском. По мнению Д. Протопоповой, идеи де Вогюэ о творчестве Тургенева как воплощении подлинно русских черт – непосредственной доброты сердца, естественной простоты, отсутствия эгоизма – дали импульс британским русофилам Стивену Грэму и Джону Уильяму Макейлу: они шли по стопам де Вогюэ, утверждая, что Россия 1910-х годов двойственна – в ней сочетаются варварство и духовность [14, р. 28–41].

Когда на британской литературной авансцене появились Лев Толстой и Достоевский, Тургенев отошел на второй план. Но у него были свои приверженцы. Романист Арнольд Беннет, характеризуя в эссе «Тургенев и Достоевский» (1910) «непосредственный, неосознанный реализм русских», противопоставил «спокойную и изысканную мягкую красоту» Тургенева «ужасному пафосу» Достоевского [1, р. 209, 212–213]. Предпочтение Тургенева другим русским писателям и отказ серьезно относиться к Толстому и Достоевскому объединяет таких разных писателей, как Генри Джеймс и Джозеф Конрад. Для англо-ирландского писателя Джорджа Мура (1852–1933) Тургенев и Толстой олицетворяли два

пути в творчестве: Толстой, на взгляд Дж. Мура, пытался «соперничать с самой Природой», его произведения – сама «стихия», «сама жизнь»; Тургенев – это «мастер», умело, осознанно «воспроизводящий жизнь». Влияние Тургенева очевидно в творчестве Мура, в частности в его романе «Озеро» (1905), в сборнике рассказов «Невспаханное поле» (1903).

Тургенев был единственным русским романистом, которого высоко ценил влиятельный английский критик Джордж Сейнтсбери (1845–1933), отвергавший «реализм» и возлагавший надежды на английский приключенческий роман – Р.Л. Стивенсона и Райдера Хаггарда.

В конце 1880-х годов на литературную авансцену выходит новое поколение романистов (среди них Джон Голсуорси), проявляющее интерес к психологии человека, что было естественно во времена расцвета медицинской и социальной психологии; З. Фрейд, К.Г. Юнг, Джеймс Фрейзер («Золотая ветвь», 1890) акцентировали роль подсознательного, оно оказалось в фокусе литературы и искусства в Англии и стимулировало интерес Голсуорси (особенно в 1890-е) к русской литературной классике, сконцентрированной на «внутреннем познании», на анализе чувств и эмоций. Тургенев стал для Голсуорси центральной фигурой. Как заметил писатель Форд Мэдокс Форд: «Я сто раз спрашивал себя, если бы не было Тургенева, что стало бы с Голсуорси? <...> Каким бы он был?» [24, р. 124].

Первым критиком и литературным наставником Голсуорси был Эдвард Гарнет – во многом из-за их общего увлечения Тургеневым [8, р. 80]. Голсуорси, начинающий писатель, прочитав в английском переводе Тургенева, а по-французски Мопассана, позднее признался: «Это были первые писатели, которые вызвали у меня настоящее эстетическое волнение и понимание пропорции темы и экономии слов. Они дали мне импульс для создания второго романа “Вилла Рубейн”» [6, р. 154]. В нем Голсуорси – ученик Тургенева на каждой странице [16, р. 8]. В сюжете, персонажах, тоне повествования этого романа явно сходство с романом Тургенева «Накануне». Любовь героини к художнику-анархисту – Гарцу, не одобренная ее семьей, напоминает историю Елены и Инсарова. Гилберт Фелпс отметил, что Голсуорси в эпизодах воспоминаний использовал тургеневский прием «вспышки памя-

ти» – flash-back из «Вешних вод» (1871) и «Первой любви» (1860), прием, усиливающий чувство боли от необратимой утраты [23, р. 123]. Как Санин в «Вешних водах», Суизин в «Спасении Суизина Форсайта» (1900), покинувший когда-то свою возлюбленную, сознает в конце жизни, что потерял тогда самое главное. То же в рассказе «Яблоня» (1916) – герой, принадлежащий к высшему обществу, вспоминает, как студентом влюбился в простую девушку, ненадолго оставил ее, чтобы подготовиться к свадьбе, но встретил старую знакомую из «своего мира» и предал свою любовь.

Параллели многочисленны. Возможно, имя Ирэн Форсайт заимствовано у Ирины – героини повести Тургенева «Дым». Критики часто сравнивали сюжеты, темы и персонажей Голсуорси и Тургенева, отмечая сходство [3, р. 112–125; 9, р. 169; 27]. Влияние Тургенева ощутимо и в ранних, и в более зрелых произведениях Голсуорси, когда «в моде» были уже Достоевский и Толстой. Жена Голсуорси – Ада в письме в американское издательство «Скрибнерс» заметила, что ее муж признавал в своем творчестве влияние лишь Тургенева и Мопассана [4, р. 98].

Критик Ройел Геттманн не очень убедительно объяснял увлечение Голсуорси Тургеневым сходством их социального окружения: оба – образованные джентльмены, любители спорта, наследники состояний, оба не приемлют свой класс – Тургенев отказался от госслужбы, Голсуорси – от профессии юриста, оба сочувствуют угнетенным и будущее вызывает у них опасения [3, р. 178–179]. Но увлечение Голсуорси Тургеневым началось до того, как он унаследовал состояние отца и таким образом обрел финансовую свободу, сравнимую со свободой Тургенева. Кроме того, Геттманн и сам отмечает, что сочувствие к униженным не было явным в романах Голсуорси – он больше сочувствовал представителям среднего класса, например Ирэн Форсайт. А Фрэнк Суинертон, английский писатель и критик, который одним из первых указал на то, что Голсуорси искал вдохновение у Тургенева, заметил: «Тургенев был в душе поэтом, а Голсуорси – джентльменом» [17, р. 194]. И тем не менее Голсуорси не раз говорил о своем глубоком духовном, почти иррациональном родстве с Тургеневым, заявлял, что не было более великого, чем он, «поэта в прозе» и откровенно признавался, что многому научился у него духовно и профессионально [5, р. 152–153].

В поисках своего пути среди конкурирующих течений 1890-х годов Голсуорси принял эстетику и поэтику Тургенева: отношение к литературному ремеслу как исследованию человеческой психологии и «духа», отказ от острого сюжета и ярко выраженной морали, имперсональное повествование, единство контекста повествования с эмоциональным состоянием персонажей.

В 1890-е годы внешние события – «экшн» – перестали быть в художественной прозе индикатором нравственности, фокус внимания переключился на взаимодействие желаний и морали [16, р. 87–88]. Генри Джеймс (большой поклонник Тургенева) в «Предисловии» (1908) к роману «Женский портрет» (1881) объяснил замысел своего романа осознанным решением заменить внешнее действие «волнующей» внутренней жизнью.

По мнению О. Соболевой и Э. Ренна, в романах Тургенева человек действия противопоставлен человеку, склонному к рефлексии и чуткому к социальной несправедливости, но совершенно неспособному действовать; симпатии автора – на стороне второго: в статье «Гамлет и Дон Кихот» (1860) – на стороне Гамлета, в «Накануне» – на стороне социально пассивного, робкого Шубина, хотя моральное превосходство (и преданность возлюбленной) – на стороне революционера Инсарова, невыразительного, неяркого, не вызывающего симпатий [16, р. 88–89]. Вот и у Голсуорси активная жизнь персонажа редко показана положительно. Подобно Базарову, Ферран в «Острове фарисеев» (1904) нарушает спокойствие других людей, и его присутствие в доме Деннант (по образцу визита Базарова в Марьино) имеет негативные последствия. Далекий от типично эдвардианской саги роман, во многом уже не роман, а ряд эпизодов или литературных набросков, выявляющих социальное лицемерие среднего класса, был посвящен Констанс Гарнет в знак благодарности за ее переводы Тургенева. Черты Базарова присущи лорду Милтоуну в романе Голсуорси «Патриций» (1911) и, хотя социальное окружение здесь иное, упрямство, гордость и сила личности персонажа аналогичны.

Для романов Тургенева и Голсуорси характерно ярко выраженное социальное начало и концентрация повествования на злободневных современных проблемах, что компенсирует отсутствие внимания автора к сюжету – «story». Однако ни Тургенев, ни Гол-

суорси не были социальными реформаторами. Социальное начало важно в их романах, но оно не главное в них.

Тургенева и Голсуорси объединяет отказ от прагматизма и острое ощущение зыбкости человеческого бытия, что свойственно модернистской эстетике, концентрирующейся на субъективности как необходимом условии художественной рефлексии. Голсуорси, как и Тургеневу, присуще понимание того, что человеческое счастье субъективно и не «прагматично», не определяется «четкой» моралью. У Тургенева счастлив Николай Петрович Кирсанов – в обществе любимой Фенечки и своего ребенка играющий на виолончели в своем хаотичном, плохо управляемом поместье. У Голсуорси обретают счастье «безнадежный» Джолион и непрacticalная Ирэн.

Голсуорси одним из первых оценил эмоциональный и иррациональный отклик персонажей Тургенева на природу (и – шире – обстановку) как выражение состояния души человека. Английский писатель нередко передает такой тип переживания посредством музыки. Едва ли случайно, что в «Саге о Форсайтах» наиболее чуждые прагматизму персонажи – Ирэн, старый и молодой Джолианы Форсайты – тонко чувствуют музыку. Игра Ирэн на фортепиано – важнейший элемент в ее портрете.

Голсуорси заметил, что Тургенев «думал в понятиях атмосферы скорее, чем факта» [5, р. 150]. Очарованный художественной пластичностью Тургенева, склонного к интуитивному, суггестивному, Голсуорси пошел по его стопам, предпочитая «атмосферу» «факту», что наиболее явно в заключительной сцене «Последнего лета Форсайта» (1918): старый Джолион в саду Робин Хилла, пронизанном ощущением утрат, порождаемым размышлениями персонажа о несбывшихся надеждах и счастье, предчувствует и приемлет конец.

Подобно Тургеневу, Голсуорси стал мастером литературного импрессионизма; он описывал объект сквозь призму его эстетико-эмоционального восприятия. Это объясняет, почему его поклонники видели в нем не только реалиста, но также философа и даже поэта. Однако его, во многом модернистские [16, р. 96–97], искания не оценило молодое поколение британских литераторов, в частности Вирджиния Вулф, воспринимавшая его в одном ряду с А. Беннетом и Г. Уэллсом. Она не заметила у него многое из того,

что сама ценила у Тургенева: использование детали, способность создавать сцену на основе тонких, мельчайших наблюдений, имперсональное видение. Правда, произведения Тургенева оказались в поле ее зрения на позднем этапе ее жизни; почти десять лет отделяют ее эссе о Тургеневе (1933) от критики эдвардианских писателей в начале 1920-х годов, когда она была увлечена Толстым и Достоевским, в творчестве которого тема подсознательного, иррационального проявлялась значительно ярче, чем у Тургенева.

Увлечение Тургеневым дало Голсуорси глубинный эстетический импульс, позволило ему превратить социальные типы в живых людей. Однако В. Вулф была права: Голсуорси не был модернистом, изначально присущий ему социальный тип мировосприятия «притормозил» его превращение в модерниста.

Амбивалентно отношение к Тургеневу Сомерсета Моэма, который начал свое знакомство с ним, прочитав по-французски роман «Отцы и дети». Он показался Моэму похожим на французские романы того времени и не произвел особого впечатления, как позднее и другие произведения Тургенева. В прозе Моэма нет «следов» Тургенева, но особое внимание уделено ему в «Записных книжках». В них Моэм размышлял о том, что «трудно найти другого писателя, который приобрел бы большую славу при наличии столь незначительных достоинств. Никто так не обязан своей известностью завышенной оценке, на которой держится русская литература. Его главные достоинства – благовоспитанная сентиментальность и легковесный оптимизм сытого ума... Он создает успокаивающую литературу. <...> Читать его – как плыть по реке, такое же тихое и спокойное путешествие, без приключений и волнений. Говорят, он затронул темы, которые в условиях русской политической жизни опасно было затрагивать (хотя писал он на приличном расстоянии от России, в Париже, и мог бы себе позволить сравняться в смелости с Герценом и Бакуниным); его русские читатели пришли в восторг, прочитав, что один из его героев уезжает в деревню – они увидели в этом завуалированный намек на революционное движение. Но политическая ситуация больше не может сделать плохую книгу хорошей. <...> Основное достоинство Тургенева – его любовь к природе, и его нельзя винить в том, что он описывает ее в духе своего времени, не столько передавая чувства, которые она у него вызывает, сколько описывая звуки,

запахи и пейзажи; описания эти исполнены изящества и прелести. <...> Его характеры достаточно стереотипны, и галерея персонажей невелика. В каждой книге одна и та же девушка, серьезная, полная достоинства и энергии, одна и та же недалекая и скучная мамаша, один и тот же разговорчивый и безвольный герой-неудачник. Второстепенные персонажи неопределенны и бесцветны. <...> Но что больше всего должно поразить читателя Тургенева, так это крайняя тривиальность его сюжетов. “Дворянское гнездо” – история неудачно женившегося человека, который влюбляется в девушку и, получив сообщение о смерти жены, делает девушке предложение. Но жена возвращается, и влюбленные расстаются. “Накануне” – история девушки, которая влюбляется в молодого болгарина. Он заболевает, они женятся, у него развивается туберкулез легких, и он умирает. В первом случае, если бы герой из элементарной предосторожности написал своему адвокату, чтобы убедиться в смерти жены, а во втором – если бы герой позаботился надеть пальто, отправляясь получать паспорт, роман можно было бы не писать» [12, с. 104–107]. Моэм проводит параллель между Тургеневым и викторианским романистом Энтони Троллопом (1815–1882), описывавшим быт и нравы провинциальной Англии, и во всем, кроме стиля, отдает предпочтение английскому писателю, считая, что тот лучше знал мир, обладал большим чувством юмора, и персонажи его интереснее и разнообразнее. Тургенев, на взгляд Моэма, явно уступал двум «главным» русским писателям: не было у него «ни мучительных страстей Достоевского, ни широкого творческого диапазона и гуманизма Толстого; но у него есть другие достоинства – обаяние, изящество, лиризм. Он обладает легкостью и оригинальностью <...>, благоразумием и удивительным ощущением природы. Даже в переводе можно почувствовать, как замечательно он пишет. Он никогда не чрезмерен, не фальшив, не скучен. Он не проповедует и не пророчествует; ему достаточно быть простым и ясным. Вполне возможно, что будущее поколение придет к заключению, что он самый великий из этих трех писателей» [12, с. 107–108].

Порой Моэм делает «имагологические» выводы: «Героини И.С. Тургенева умны, энергичны и предприимчивы, в то время как герои – безвольные мечтатели, не способные к действию. Это ха-

рактерная черта русской литературы, и я полагаю, что она исходит из глубины русского характера» [11, с. 6].

Таким образом, многие британские писатели: сначала Г. Джеймс (он с 1876 г. жил в Англии и в 1916 г. принял британское подданство, а потому можно формально считать его британцем) и Дж. Конрад, а из следующего поколения – Арнольд Беннет и Джон Голсуорси – прошли через фазу увлечения Тургеневым. Форд Мэдокс Форд и Конрад считали Тургенева лучшим из русских романистов. Но молодое поколение модернистов: Д.Г. Лоуренс, Э. Паунд, Уиндем Льюис – не нашли в Тургеневе источник для подражания или «учебы» [7, р. 2].

В итоге замечу, что известный английский врач и писатель Хэвлок Эллис назвал Тургенева «тонким и чувствительным» – «Коро среди русских романистов» [28, р. 250], тем самым определив специфику его восприятия британцами. По словам Дональда Дейви, Тургенев первым представил великий русский роман в Англии и был поначалу воспринят там как «сильный энергичный писатель». Однако позднее, когда на литературном горизонте появились Толстой и Достоевский, в которых увидели «мудрецов» и «пророков», Тургенев был низведен до статуса «эстета», «чистого художника» (в поздневикторианские и эдвардианские времена, а по инерции и далее – эстетизм оценивали по-филистерски как явление более низкого ряда) [7, р. 278]. Кроме «Зала Славы» (Hall of Fame) для писателей «первого ряда» у викторианцев существовала «часовня» для меньших божеств – «чистых художников», где и отвели место «крупному, сильному охотнику» Тургеневу, что Д. Дейви справедливо называет «совершенно поразительным» [7, р. 277–278]. Конечно, в академических исследованиях таких ученых, как Дэвид Магаршак, Ричард Фриборн, Патрик Уоддингтон и др. Тургенев представлен более сбалансированно.

Список литературы

1. Беннет А. Книги и личности. Заметки об ушедшем времени. Bennett A. Books and persons : being comments on a past epoch, 1908–1911. – London : Chatto&Windus, 1917. – 337 p.
2. Гарнет Э. Тургенев. Garnett E. Turgenyev. – London : W. Collins Sons, 1917. – 206 p.
3. Геттманн Р. Тургенев в Англии и Америке.

- Gettmann R. Turgenev in England and America. – Urbana : Univ. of Illinois press, 1941. – 196 p.
4. Гиндин Д. Жизнь и творчество Джона Голсуорси : Крепость чужака.
Gindin J. John Galsworthy's life and art : an alien's fortress. – London ; Basingstoke : Macmillan, 1987. – 616 p.
5. Голсуорси Д. Силуэты шести писателей.
Galsworthy J. Six novelists in profile // Galsworthy J. Castles in Spain and other screeds. – London : Heinemann, 1927. – P. 145–171.
6. Голсуорси Д. Впечатления и размышления.
Galsworthy J. Glimpses and reflections. – Leipzig : Tauchnitz, 1938. – 236 p.
7. Дейви Д. Славистические эссе : эссе о русской и польской литературе.
Davie D. Slavic excursions : essays on Russian and Polish literature. – Manchester : Carcanet, 1990. – 312 p.
8. Дюпре К. Джон Голсуорси. Биография.
Dupré C. John Galsworthy. A biography. – London : Collins, 1976. – 315 p.
9. Кей П. Достоевский и английский модернизм, 1900–1930.
Kaye P. Dostoevsky and English modernism, 1900–1930. – Cambridge : Cambridge univ. press, 1999. – 248 p.
10. Магаршак Д. Тургенев. Жизнеописание.
Magarshack D. Turgenev. A life. – London : Faber & Faber, 1954. – 328 p.
11. Моэм У.С. Записные книжки 1917 года / пер. с англ. Е. Нарышкиной // Литературное обозрение. – 1999. – № 4. – С. 3–15.
12. Моэм С. Записные книжки / пер. Е. Нарышкиной. – Москва : Вагриус, 2001. – 189 с.
13. Письма от Джона Голсуорси, 1900–1932 / сост. Гарнет Э.
Letters from John Galsworthy, 1900–1932 / ed. by Garnett E. – New York : Scribner's, 1934. – 255 p.
14. Протопопова Д. Достоевский, Чехов и Ballets Russes : Образы язычества и духовности в британском отклике на русскую культуру, 1911–1929.
Protoporova D. Dostoevsky, Chekhov, and the Ballets Russes : images of savagery and spirituality in the British response to Russian culture, 1911–1929 // The new collection journal. – 2008. – Vol. 3. – P. 28–41.
15. Русская литература и современная английская проза : сборник статей / сост. Дейви Д.
Russian literature and modern English fiction : a collection of critical essays / Ed. by Davie D. – Chicago ; London : Univ. of Chicago press, 1965. – VI, 244 p.
16. Соболева О., Ренн Э. От ориентализма к культурной столице. Миф России в британской литературе 1920-х.
Soboleva O., Wrenn A. From orientalism to cultural capital. The myth of Russia in British literature of the 1920s. – Oxford ; Berlin : Peter Lang, 2017. – XIV, 338 p.
17. Суиннертон Ф. Георгианство.
Swinnerton F. The Georgian scene. – London : Farrar&Rinehart, 1934. – 522 p.
18. Тёрнер Ч.Э. Современные русские писатели.

- Turner C.E. The modern novelists of Russia. – London : Trübner & Co, 1890. – 209 p.
19. Тёртон Г. Тургенев в контексте английской литературы, 1850–1900.
Turton G. Turgenev and the context of English literature, 1850–1900. – London ; New York : Routledge, 1992. – 229 p.
20. Уоддингтон П. Тургенев и Англия.
Waddington P. Turgenev and England. – London : Palgrave Macmillan, 1980. – 382 p.
21. Феклин М.Б. Литературная критика Эдварда Гарнетта и восприятие творчества Тургенева в Англии на рубеже XIX–XX веков // Проблемы истории, филологии, культуры. – Магнитогорск, 2003. – С. 471–478.
22. Феклин М.Б. The beautiful genius. Тургенев в Англии : первые полвека. – Москва : МПГУ; Oxford : Perspective publications, 2005. – 240 p.
23. Фелпс Г. Русский роман в английской литературе.
Phelps G. The Russian novel in English fiction. – London : Hutchinson univ. library, 1956. – 206 p.
24. Форд Ф.М. Портреты из жизни.
Ford F.M. Portraits from life. – London : Houghton Mifflin, 1937. – 227 p.
25. Фриборн Р. Тургенев: романист для романистов
Freeborn R. Turgenev : the novelist's novelist. – London ; New York : Oxford univ. press, 1960. – 201 p.
26. Чуковский К. Тургенев в Оксфорде // Литературная Россия. – 1968. – № 41. – 11.10. – URL: <https://www.chukfamily.ru/kornei/prosa/articles/turgenev-v-oksforde>
27. Элиот Т.С. Тургенев.
Eliot T.S. Turgenev // Egoist. – London, 1917. – Vol. 4, N 11. – P. 167.
28. Эллис Х. Новый дух.
Ellis H. The new spirit. – New York : Modern library, 1926. – 272 p.